

УДК 94(497.16):"19/20":39

ПОЛИТИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНОРЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СУВЕРЕНИЗАЦИИ ЧЕРНОГОРИИ В КОНЦЕ 1990-Х – НАЧАЛЕ 2000-Х ГОДОВ¹

Д. С. Докучаев, Н. А. Докучаева

Ивановский государственный университет, 153025, Иваново, ул. Ермака, 37

Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурлыгина, 153012, Иваново, ул. Советская, 29

den-dokuchaev@mail.ru

natdok85@gmail.com

Анализируются способы конструирования этнорегиональной идентичности. На основе системного подхода выделяются концепт и структура в этнорегиональной общности черногорцев. Рассматриваются этнические, лингвистические, религиозные и исторические аспекты социально-конструктивистской деятельности политической элиты Черногории.

Ключевые слова: этнорегиональная идентичность, Черногория, политическая элита, политическая идентичность, регион, этнос, исторический дискурс.

Одной из последних на сегодняшний день стадий оформления постъюгославского политического пространства стал выход Черногории из государственного объединения с Сербией. Суверенизация Республики Черногории, до 1992 г. входившей вначале в СФРЮ, затем в Союзную республику Югославию, а с 2002 г. в государственный союз Сербии и Черногории, положила конец последнему реликту югославской федерации. Референдум 21 мая 2006 г., 55,5 % участников которого выступили за независимость Черногории, позволили подвести черту под пребыванием страны в рамках югославской государственности и поместить на карту Европы XXI в. малое государство с населением немногим более 600 тыс. чел.

Путь Черногории к независимости был последовательным и трудным. Успеху всей кампании во многом способствовала грамотная политика черногорской элиты по конструированию этнорегиональной идентичности. Речь идет именно об этнорегиональной идентичности, поскольку с 1918 г. по 2006 г. черногорский этнос не имел государственного суверенитета, а соответственно, не мог считаться по известным в науке определениям нацией. Тем не менее обоснование черногорской независимости опиралось на представление о вполне отчетливых государственных традициях, идущих от раннего Средневековья, на очевидную специфику положения страны в системе османского владычества на Балканах и на достижения короткого, но насыщенного событиями исторического периода суверенного развития Черногорского государства в XIX – начале XX в.

Однако становление в это время общегославской национальной идеологии, в интерпретации которой черногорская элита пыталась соперничать с сербской, создало альтернативу, в рамках которой сербское главенство нередко выглядело привлекательнее этнорегиональной обособленности Черногории. К началу Второй мировой войны Черногория фактически утратила свою политическую индивидуальность, что после окончания войны облегчило принятие ею роли самой маленькой республики титовской Югославии, целиком зависимой от общегославского бюджета и политики коммунистического руководства. Осознавая свою зависимость от старшего партнера, черногорская элита, тем не менее, не упускала из виду перспективы государственной независимости, постепенно выстраивая самостоятельную политическую линию и конструируя черногорскую этнорегиональную идентичность.

Теоретико-методологические аспекты исследования этнорегиональной идентичности

Поскольку в заглавие вынесена тема конструирования этнорегиональной идентичности, мы будем использовать социально-конструктивистский подход при ее рассмотрении. Основное положение этой парадигмы – социальный порядок существует лишь как продукт человеческой деятельности – было впервые обосновано П. Бергером и Т. Лукманом [*Бергер, Лукман, 1995*]. Суть конструктивизма в этнорегиональном контексте заключается в том, что этнические общности определяются как «воображаемые» и возникающие в результате целенаправленных усилий индивидов и

создаваемых ими институтов, поэтому этничность понимается как социальный конструкт.

Методологию социального конструктивизма следует дополнить системным подходом в интерпретации А.И. Уеова [Уеов, 1978], адаптированным к анализу неформализованных систем И.В. Дмитревской [Дмитревская, 1992]. В работах этих авторов понятие «система» определяется как вещь (или множество вещей), обладающая отношением с заранее фиксированными свойствами. Любая система имеет три уровня организации: концептуальный (уровень системообразующего свойства), структурный (уровень системообразующего отношения), субстратный (уровень элементов системы). Специфика системы определяется концептом и структурой, а субстрат играет подчиненную роль. Концепт и структура системы, являясь системообразующими компонентами, доминируют над субстратом.

Таким образом, рассматривать особенности конструирования этнорегиональной идентичности в Черногории мы будем на основе социально-конструктивистского и системного подходов.

Теперь необходимо уточнить некоторые используемые нами понятия, а именно «этнос», «регион», «региональная идентичность», «этнорегиональная идентичность».

Этнос. Одно из первых в отечественной науке определений этому понятию дал в 1923 г. С.М. Широкогоров. В частности, он писал, что этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп [Широкогоров, 1923]. Несмотря на многочисленные споры вокруг толкования этого понятия, мы понимаем под этносом *исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающую общими чертами и стабильными особенностями культуры и психического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований.*

Регион. В науке до сих пор идут споры относительно того, какую именно территорию считать регионом. В теоретическом и исследовательском плане под регионом часто понимается *часть пространства, являющаяся гомогенной в заданных критериях и отличающаяся по этим критериям от других частей пространства в рамках определенного целого.* Когда мы связываем между собой территорию и идентичность, то должны расширить это понимание. Под регионом как пространством коллективной идентичности человека нами понимается часть социально освоенной территории, выделяемая на основании социально обусловленных отличий от других частей пространства и выступающая объектом отождествления (сопоставления) смысложизненного мира человека с ней и с социальной общностью, локализованной в этом пространстве (см. подробнее [Докучаев 2012]). Существование региональных сообществ является результатом, с одной стороны, объективации, конструирования и поддержания или подчеркивания различий в рамках социальных практик, а с другой – целенаправленного распространения идеи единства с целью гомогенизации сообщества.

Региональная идентичность – это прежде всего представления человека о себе в сопоставлении с общностью, локализованной в части социально освоенного пространства Мира. Она может проявляться и как «внешняя», и как «внутренняя». Онтологический статус региона как аналога «особого мира» определяет сущностную характеристику региональной идентичности, которая в широком смысле может быть сведена к осознанию человеком своей принадлежности к части Мира – региону. Эта сущностная характеристика проявляется в соотношении смысложизненного центра человека с социальным целым – региональным сообществом («внешняя» идентичность) – и с *genius loci* региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными явлениями и их материальной средой («внутренняя» идентичность). Региональную идентичность следует рассматривать в качестве системы, элементы которой взаимосвязаны. *Концептом* такой системы является дихотомическая идея территориального сходства и территориального различия, которая реализуется в рамках оппозиции «Свои» – «Чужие». Реализация концепта «Свои» – «Чужие» не только способствует соотношению смысложизненного центра человека с региональным сообществом, но и формирует у человека представления о тождественности и целостности самого регионального сообщества. К анализу структуры региональной идентичности можно применить подход О.В. Рябова, в рамках которого в содержательной интерпретации структуры идентичности выделяются три компонента: пространственно-временное отношение, отношение со «Своими» (образ «Мы»), отношения с «Чужими» (образ «Они») [Рябов, 2000].

Этнорегиональная идентичность – это подвид региональной идентичности, олицетворя-

ющей смещение структуры идентичности в сторону этнических компонентов. Определяя это понятие, следует иметь в виду тот факт, что этнорегиональная идентичность представляет собой комплекс способов самоопределения (самовосприятия и репрезентации) человека на основе сочетания территориального и группового (этнокультурного) принципов [Ямалнеев, 2005, с.12]. Характеризуя в дальнейшем эту категорию применительно к черногорскому обществу, мы будем уделять особое внимание тому факту, что этнорегиональная идентичность является частью проектирования политической идентичности со стороны элит.

Политика конструирования этнорегиональной идентичности в современной Черногории

Черногорию, как и все пространство Балкан, характеризует сплав идентичностей, состав и соотношение элементов которого менялись в ходе исторического развития, а также под влиянием политических процессов в регионе. Можно сказать, что идентичность черногорца в целом представляет собой мозаику из индивидуальных и групповых самоидентификаций. По мнению ряда исследователей (см., например [Wilmer]), вооруженные конфликты на пространстве Югославии в первой половине 1990-х гг. были основаны именно на проблемах идентичности, а различные идентичности, противостоявшие югославской, использовались по крайней мере в качестве лозунгов для разжигания конфликтов.

Концептом черногорской этнорегиональной идентичности выступает дихотомическая идея территориального сходства и территориального различия, реализуемая в рамках оппозиции «Свой» – «Чужой».

Структура идентичности – это системообразующие отношения. Их тоже необходимо выделить. Мы полагаем, что в структуре черногорской этнорегиональной идентичности четко проявляются *этнические, лингвистические, исторические, религиозные и социальные отношения*. Все эти отношения конструируются в рамках оппозиции «Свой» – «Чужой», таким образом, концепт системы поддерживает структуру.

Сложный исторический путь Черногории обусловил не менее сложную судьбу черногорской этнорегиональной идентичности. Конструирование ее в Черногории происходило с использованием таких идентификационных координат, как история, язык, конфессия, которые в основном являлись общими с сербскими. Сам черногорский этнос долгое время считался субэтносом сербского. Поэтому процесс формирования этнорегиональной идентичности не мог не инициироваться политическими элитами. Изначально он был направлен на достижение политических целей и составил существенную часть процесса окончательного оформления современного независимого государства Черногории. Важно подчеркнуть, что как образование государства и титульной нации, так и конструирование черногорской идентичности проходило в конце XX в. в Черногории с учетом перспектив интеграции ее в общеевропейское пространство.

В течение длительного исторического периода Черногория воспринималась многими исследователями и до некоторого времени самими жителями Черногории как часть Сербии или «разновидность сербской государственности» [Пономарева, 2010, с.205]. В XIX в. коренное население Черногории исходило из того, что они составляют с сербами языковую и этническую общность, но при этом являются «лучшими из сербов». Так, в переписи 1909 г. 95% черногорцев назвали родным языком сербский [Пописи у Црной Гори од 1909 до 2003]. Вместе с тем описывая черногорцев в XIX – начале XX в., многие авторы отличали их от сербов, акцентируя их геройский дух, любовь к свободе, трепетное отношение к родине, уважение к старшим и к своим традициям, а также воинственность и мстительность (см., например [Черногория и ее жители, 1849]). Черногорский народ, по мнению историков и писателей, испокон веков успешно боролся за свою свободу и независимость, соединяя приверженность православию с верностью России (см., например, [Жители области Монтенегро или черногорцы, 1805]). Характерно, что мистификация П. Мериме («Guzla») [Mérimée, 1926, p.160–161], выданная им за фольклор черногорцев, была переведена на русский язык А.С. Пушкиным («Песни западных славян»), отразив эти общие стереотипы:

«"Черногорцы? Что такое? – Бонапарте спросил. – Правда ль: это племя злое, Не боится наших сил?» [Бонапарт и черногорцы].

Формирование черногорской этнорегиональной идентичности в XX в. было связано прежде всего с национально-освободительной войной 1941–1945 гг., в ходе которой восстановление государственности Черногории в форме одной из республик социалистической федерации стало одной

из целей освободительного движения во главе с Тито. Ключевым моментом этого процесса часто называется 1 мая 1945 г., когда в югославской коммунистической газете «Борьба» была опубликована статья Милована Джиласа «О черногорском национальном вопросе». Объединение Сербии и Черногории он называл «мошенничеством», подчеркивая роль Черногории в обретении свободы «новой Югославией», а также отмечая, что, несмотря на общую судьбу, «пути развития были у Черногории и Сербии различными» [Vlahović, 2006]. После Второй мировой войны согласно первой переписи населения (1948 г.) более 90% населения образованной в 1945 г. республики причислили себя к черногорцам. В дальнейшем численность тех, кто указывал в качестве этнонима «черногорец», постоянно снижалась (68,5% в 1981 и 61,9% в 1991 г.) и достигла наименьшего показателя в 2003 г., коррелируя с числом тех, кто считал себя «сербами». В переписи 2003 г. «черногорцами» назвали себя 43% населения страны, «сербами» – 32%, «бошняками» – 8%, «албанцами» – 5% [Crna Gora u brojkama, 2010].

Если в начале 90-х гг. XX в. снижение доли населения, признавшего себя черногорцами, не противоречило общим задачам образованной после распада СФРЮ «малой Югославии», то при курсе черногорской политической элиты на независимость государства в конце 1990-х – начале 2000-х гг. оно превратилось в серьезную проблему для легитимации этого курса и проведения его в жизнь. Кроме того, отделение (и отдаление) от Сербии и сближение с Европейским союзом требовали согласования двух мало сочетаемых парадигм – этнонациональной и общегражданской. По этим причинам самое пристальное внимание в рамках внутривосточного курса руководства республики с конца 90-х гг. XX в. стало уделяться конструированию этнорегиональной идентичности.

Исторический «фундамент» этнорегиональной идентичности выстраивался на уточнении отношений «Свой» – «Чужой». «Своими» были черногорцы, а «Чужими» – сербы. В процессе конструирования идентичности происходило отрицание «сербскости» и подчеркивание «черногорскости» на фоне прославления прежде всего военных подвигов черногорцев в деле освобождения южных славян от различных захватчиков. Особый упор делался на длительное сопротивление Черногории установлению османского владычества, а также на героическую борьбу черногорцев против итальянской и германской оккупации в 1941–1945 гг. Эта выборка событий поддерживала и утверждала стереотип, согласно которому черногорцы – гордый и воинственный народ, который единственным на Балканах никогда не был подчинен полностью иностранными завоевателями.

Следует отметить, что выстраивание новых координат идентичности и проведение границы между черногорцами как «Своими» и сербами как «Чужими» было весьма проблематичным процессом, поскольку общая историческая судьба черногорцев и сербов в ходе войн и конфликтов XIX–XX вв., православное вероисповедание, общий литературный и государственный язык на определенном историческом этапе оправдывали сосуществование Сербии и Черногории в рамках одного государства как в глазах черногорцев и сербов, так и в представлениях большинства внешних наблюдателей, включая политиков и исследователей. Однако фактор «родства» с Сербией являлся определенным препятствием для реализации курса на сближение с ЕС, поэтому одним из направлений внутренней политики части черногорской элиты стало «прививание» титульному населению Черногории новой этнорегиональной идентичности.

Как мы уже отметили, длительное время сербов и черногорцев объединял общий литературный язык. Поэтому изначально в структуре черногорской этнорегиональной идентичности эти внутрисистемные отношения отсутствовали. *Лингвистические структуры* пришлось конструировать. Ряд исследователей приписывают языку на пространстве Балкан признаки «флага», с помощью которого народы отстаивают свою независимость и суверенитет. Яркими примерами этого были события в Боснии, Хорватии и Сербии. «Мнения бошняков, хорватов, черногорцев и сербов долгое время расходились по базовым вопросам: говорят ли они на одном языке или на разных, какие диалекты должны иметь статус официальных, какие алфавиты и системы письма наиболее подходят для их нужд?» [Greenberg, 2004, p.9]. События 1990-х гг., когда необходимость определяться с языковыми предпочтениями возникла в рамках независимых государств, обозначили главный тренд – отход от лексического состава, стилистики, орфографии и даже грамматики сербского инварианта общего для большинства югославян языка.

Уже в Конституции Республики Черногория 1994 г. была закреплена черногорская лингвистическая норма как подвариант общего с сербами и хорватами языка. В 1990-е гг. в Черногории,

находящейся еще в составе единого с Сербией государства, нарастали опасения по поводу ущемления особенностей «неоштокавского екавского диалекта» и настроения в пользу преимущественного использования латиницы. К тому моменту сербохорватский язык *de facto* уже перестал существовать в результате войн в Боснии и Хорватии, приведших к выделению из него боснийского, хорватского и сербского языков.

Обострение языковой проблемы продолжилось с началом политической эпохи М. Джукановича и движения страны к независимости. Для обоснования выделения черногорского языка как особого использовались его отличия прежде всего от сербского языка. В 1994 г. черногорская организация ПЕН-Центр (P.E.N. – Poetry, Essays, Novels) провозгласила, что язык, на котором говорят в Черногории, является черногорским [*Декларация P.E.N. центра*]. В 1990-е гг. активизировались национально-культурные организации, например, Черногорская Матица, целью которой была защита культурной и исторической идентичности Черногории. Они выражали взгляды, оппозиционные как по отношению к терявшей свою актуальность парадигме «сербско-хорватского языка», так и к активно продвигавшейся и выражавшей великосербскую национальную идеологию Сербской академии наук. По всей вероятности, именно усилиями Матицы вопрос о языке приобрел в Черногории особую остроту, а сам черногорский язык стал официальным и в независимой Черногории был закреплен как нормативный в конституции страны [Ustav Crne Gore]. События 1999 г., связанные с военной операцией НАТО против Югославии, ускорили отделение черногорского языка от сербского. Таким образом, конструирование отношений «Свой» – «Чужой» в лингвистическом компоненте структуры идентичности было обусловлено политической конъюнктурой.

Еще один структурный элемент черногорской этнорегиональной идентичности – *религия*. Но в случае Черногории речь идет не столько о религии, сколько об институте церкви. Большинство населения Черногории, как черногорцы, так и сербы, исповедуют православие, но вопрос о церковной организации представляет собой еще одну дилемму, основанную на противопоставлении общесербскому. Стоит отметить, что до середины XIX в. именно церковные владыки – митрополиты – обладали полнотой власти в Черногории. Однако если авторы начала XIX в. отмечали, что «черногорцы прилежны к Богу, вера их проста и искренна, они не пропускают праздника, чтоб не быть в церкви, не предпринимают никакого дела, не перекрестившись, и хотя не многие знают читать "Отче наш", но слепо исполняют долг христианина» [*Броневский*, 1818, с. 58–59], то в конце XIX в. Павел Ровинский писал: «Как ни любит черногорец свою церковь, а посещать ее он не любит... у черногорца религиозность, как бы ни была глубока, или вовсе не выражалась во внешней форме и обрядности, или же выражалась слишком просто и даже грубо» [*Ровинский*, 1897, с. 407]. В 1903 г. под влиянием опыта России черногорская церковь получила синодальное управление и автокефальный статус, но с образованием Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев утратила самостоятельность, войдя в Сербскую православную церковь.

В 1990-е гг. дебаты о независимом статусе Черногории охватили и вопрос о черногорской церкви. В 1993 г. оформилась не зависящая от Сербской православной церкви неканоническая Черногорская церковь, которая стала одним из атрибутов черногорского суверенитета. Как пишет один из «официальных» историков Черногория, Ж. Андрияшевич, церковный вопрос в регионе обострился в 90-е гг. XX в. под воздействием политических факторов, а черногорская церковь «еще до появления первых школ и СМИ <...> была не только важнейшим вместилищем духа, но и эффективной службой идеологического инжиниринга» [*Andrijašević*, 2008, p. 209]. Церковь играла роль института, обладающего «мягкой силой», способной внести свой вклад в становление черногорского суверенитета.

На таком фоне проявились и утвердились этнические аспекты идентификации. Противопоставление одного этноса другому или общей идее югославянства явилось одной из основных черт балканского кризиса 1990-х гг., поскольку «этническая идентичность наиболее часто ассоциируется с вопросом границ» [*Nagel*, 1994, p. 152–176].

Наиболее распространенным и «сильным» в мотивационном плане структурным элементом этнорегиональной идентичности выступают отношения, связанные с *историческим дискурсом*. Подчеркнем, что именно история оказывается наиболее «действенным» и «весомым» элементом с точки зрения конструирования идентичности, поскольку позволяет создавать коллективную идентичность как в положительном (кто мы есть), так и в негативном (кем мы не являемся) понимании; проецировать самосознание в сторону «героев» и «врагов», порождать необходимость для индиви-

да идентифицировать себя с неким масштабным проектом, большим, чем только его личность [Wilmer, p. 6].

Активное использование исторического дискурса для конструирования черногорской этно-региональной идентичности началось в 1990-е гг., когда были написаны новые работы по истории Черногории, в которых авторы давали обоснование необходимости обретения суверенитета и к которым стали обращаться с целью укрепления общей государственной идеи, черногорской идентичности, а косвенно – и в целях поддержки курса на сближение с Западом. Одним из противоречивых рупоров черногорской независимости стала организация черногорских интеллектуалов «Дуклянская академия наук и искусств» (DANU), созданная в 1997 г. в противовес Черногорской академии наук и искусств, которую члены первой организации считали слишком просербской.

Основополагающей идеей новой версии истории Черногории являлось прослеживание уникальности черногорского пути начиная с древнейших времен. При этом, как уже отмечалось, делался упор на военные успехи Черногории и в целом на стремление Черногории отстаивать свою независимость в борьбе против иноземных захватчиков, в частности, против Османской империи. Центральное место в концепции истории занимало отрицание общей с Сербией судьбы и представление этапов совместного существования как негативной страницы черногорской истории. Черногорские историки, формируя этнонациональный нарратив, выстроили концепцию черногорской «уникальности» от самых истоков черногорской истории. С их точки зрения, еще с древних времен предки черногорцев – дукляне – выделились в особую этническую группу подобно сербам и хорватам. По утверждению Ж. Андрияшевича, «бесспорным является тот факт, что им [дуклянам] удалось, в отличие от *всех* (курсив наш. – Д.Д., Н.Д.) других [соседних] племен, выстроить свою историческую структуру, выраженную в создании государства, в установлении династии и в осознании своей политической специфики» [Андрияшевич, Растодер, 2010, с.10]. Подчеркивалось особое положение, которое занимала Черногория, находясь под властью турок (судебная автономия, особые условия выплаты налогов, привилегия не участвовать в военных походах за границами Черногории).

Касаясь истории XX в., современные черногорские авторы настойчиво утверждают о насильственном присоединении Черногории к Сербии в 1918 г. Так, Ш. Растодер выделяет тот факт, что черногорское правительство и король Никола находились в эмиграции, а все решения по объединению Сербии и Черногории принимались Временным Центральным исполнительным советом, сформированным с подачи и при поддержке сербского правительства. С созданием же Королевства СХС пришел «конец многовековому черногорскому государству» [Андрияшевич, Растодер, 2010, с. 163].

Конструирование этнорегиональной идентичности при помощи исторического дискурса происходило и в системе образования. В этой сфере в Черногории со второй половины 90-х гг. XX в. насаждались изменения, которые четко вписываются в политические усилия по конструированию идентичности. Этому способствовали нововведения в преподавании истории и издание новых учебников по этому предмету, в которых исторические факты излагались с позиций исторического права Черногории на независимость. В качестве конституирующего «Чужого» в историческом образовании выступали Сербия и те этапы истории Черногории, которые были связаны с ней. Такая образовательная политика вызвала среди населения страны полярные реакции, что еще более углубило раскол черногорского общества по признаку идентичности и не могло не сказаться на его отношении к независимой государственности.

В свою очередь, сербские историки, в частности С. Терзич, отнесли идеологические корни новой черногорской историографии к «наци-фашистским проектам по разрушению Югославии и сербского этнического единства – по насаждению в Черногории принципиально новой культурной и духовной идентичности посредством идеологической пропаганды, образовательных программ, культурных институтов, искусства, научной работы и множества подобных действий» [Терзић]. И многие умеренно настроенные черногорские интеллектуалы не признают националистических взглядов своих коллег и демонстрируют негативное отношение к их способу толкования истории. Так, в 2007 г. вышла в свет книга А. Стамановича «Антисербство в черногорских учебниках истории» [Стамановић, 2007]. Автор счел, что целью современной черногорской истории является идеологическая обработка новых поколений граждан страны. Использование истории, подобно тому, как это делается в современной Черногории, нужно лишь правящей элите, для того чтобы со-

хранить раскол в обществе и таким образом обеспечивать достаточную поддержку своего политического курса.

Конструирование этнорегиональной идентичности с помощью исторического дискурса помимо раскола общества и углубления черногорско-сербских противоречий имело и другие негативные последствия. По мнению многих критиков, новые черногорские учебники «оттесняют на второй план фигуры мировой значимости с целью сфокусировать внимание на Черногории» и тем самым формируют провинциализм и ограниченность [Gregory, 2008].

Безусловно, конструирование этнорегиональности как особой формы социальности во многом было связано с деятельностью политических элит Черногории. Оно обосновывалось стремлением руководства страны включить население этого небольшого балканского региона в «европейскую семью». В этой работе все средства оказывались хороши: от незначительного подчеркивания этнических различий между сербами и черногорцами до конструирования «образа врага» (опять же в отдельной риторике относительно сербов).

В заключение хотелось бы отметить, что рассмотренные аспекты конструирования этнорегиональной черногорской идентичности не исчерпывают весь спектр этнических отношений в этом регионе (см. подробнее [Докучаева, 2012]), поскольку деление на черногорцев и сербов – только одна черта сложного этнического состава страны. Около 30% населения Черногории принадлежит к этническим меньшинствам (албанцам, мусульманам, бошнякам и пр.). Их роль в конструировании этнорегиональной идентичности современной Черногории не так очевидна, как в сербочногорской дихотомии, однако место Черногории в современном политическом поле достаточно велико. Если до проведения референдума 2006 г. национальные меньшинства, прежде всего мусульмане и албанцы, в основном выступали в поддержку независимости, то в суверенной Черногории подчеркивание этнической (а теперь и национальной) идентичности черногорцев уже идет вразрез с продвигаемой европейскими структурами гражданской идентичностью.

Примечания

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI в.: виртуальность и реальность».

Библиографический список

- Андрияшевич Ж.М., Растодер Ш. История Черногории с древнейших времен до 2006 г. М., 2010.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. 1995.
- Бонапарт и черногорцы // Пушкин А.С. Песни западных славян. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/pushkin/poetry/pu0712.htm> (дата обращения: 02.12.14).
- Броневский В.Б. Описание Черногории //Сын отечества. 1818. Ч. 46, № 28.
- Декларация Р.Е.Н. центра. URL: <http://montenet.com/language/pen-decl.htm> (дата обращения: 11.01.2012).
- Дмитревская И.В. Мировоззрение как система// Сознание и теория мировоззрения: История и современность. Иваново. 1992.
- Докучаев Д.С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции // Философия и культура. 2012. №12.
- Докучаева Н.А. Этнические измерения общества и национальная политика Черногории в начале XXI в. // Изв. высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 3.
- Жители области Монтенегро или черногорцы // Вестник Европы. 1805. Ч. 20, № 7. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Murgard/text.phtml?id=8959/> (дата обращения: 02.12.14).
- Малахов В.С. «Неудобства с идентичностью». URL:<http://www.intellektuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm> (дата обращения: 02.12.14).
- Миллер А. Россия: власть и история. 2009. URL:http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf (дата обращения: 05.12.14).
- Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. М., 2010.
- Ровинский П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. СПб., 1897. Т. 2, ч. 1.
- Рябов О.В. Национальная идентичность: гендерный аспект (на материале русской историософии): автореф. дис. ... докт. филос. наук. Иваново. 2000.
- Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978

Черногория и ее жители // Журнал для чтения воспитанниками военно-учебных заведений. 1849. Т. 81, № 323. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1840-1860/Cernog_i_ee_ziteli/text1.phtml?id=9069 (дата обращения: 22.12.14).

Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай. 1923. URL: <http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/Texts/ShirokogorovEthnos/Chapter01.pdf> (дата обращения: 04.11.14).

Ямалнеев И.М. Этнорегиональная идентичность как политический проект (на примере Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань. 2005.

Пописи у Црној Гори од 1909. до 2003. URL: <http://njegos.org/census/princip.jpg> (дата обращения: 02.12.13).

Стамановић А. Антирспство у уцбеници ма историје у Црној Гори. Подгорица, 2007.

Терзић С. Идеолошки корени црногорске нације и црногорског сепаратизма. URL: <http://njegos.org/past/idroots.htm> (дата обращения: 27.04.2011).

Андријаšевић Ж.М. Crnogorska crkva 1852–1918. Nikšić, 2008.

Crna Gora u brojkaма. Podgorica, 2010.

Greenberg R. Language and identity in the Balkans. Oxford University Press, 2004.

Gregory A. Montenegro: getting its story straight//Transitions online. 2008. 3 March. URL: <http://www.ceeol.com> (дата обращения: 04.11.14).

Mérimée P. La Guzlaouchoix de poesies illyriques. Recueilledans de la Dalmatie, la Bosnie, la Croati-eetl'Herzegowine. Strasbourg, 1926. URL: <http://archive.org/stream/laguzlaouchoixde00mruoft#page/160/mode/2up> (дата обращения: 04.11.14).

Nagel J. Constructing ethnicity: creating ethnic identity and culture//Social problems, 1994. Vol. 41, No.1, Febr. *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. godine.* Crna Gora. Zavod za statistiku, broj 83. Podgorica. 2011.

Vlahović D. «Dan kada je rođena Crnogorska nacija 1. maj 1945. Mestorođenja Borbaorgan KPJ».URL: <http://www.srpskapolitika.com/Tekstovi/Komentari/2006/034.html> (дата обращения: 23.04.2012).

Ustav Crne Gore. Podgorica, 22. oktobra 2007. godine. Član 13.

Wilmer F. Identity, culture, and historicity. The social construction of ethnicity in the Balkans.URL: <http://www.jstor.org/stable/20672505> (дата обращения: 13.04.2012).

Дата поступления рукописи в редакцию 05.03.2015

POLICY OF ETHNO-REGIONAL IDENTITY'S CONSTRUCTION IN THE CONTEXT OF MONTENEGRIN SOVEREIGNTY IN LATE 1990s – EARLY 2000s

D. S. Dokuchaev, N. A. Dokuchaeva

Ivanovo State University, Ermaka str., 37, 153025, Ivanovo, Russia

Ivanovo State Burilin's Museum, Sovetskaya str. 29, 153025, Ivanovo, Russia

den-dokuchaev@mail.ru

natdok85@gmail.com

The paper analyses the ways of constructing ethno-regional identity on the example of Montenegro case. The authors outline the concept and the structure of ethno-regional identity of the Montenegrins by using system approach. The idea of territorial similarity and difference, being realized in the opposition “the Same – the Other”, is central to that approach. Such a relation had been constructed in certain situations by the means of opposing “Montenegrins” to “Serbs”, where “Montenegrins” served as the “Same” and “Serbs” – as the “Other”. The structure of Montenegrin ethno-regional identity was supported by that concept, while the opposition “the Same – the Other” was realized on the base of ethnical, linguistic, historical, religious and social relations. On ethnic level the opposition of Montenegrins to Serbs could be traced; on linguistic level the new norms of the Montenegrin language were constructed; historical discourse created the patterns of the collective past, differing from the Serbian one; and the religious component caused a clash between the churches of both ethnic groups. The policy of construction of ethno-regional identity in Montenegro was connected with the activities of Montenegrin political elite, trying to include the population of that small Balkan region into the “European family”. All means, from the emphasis on ethnic differences between Serbs and Montenegrins to the construction of “the image of the enemy”, were used for it.

Key words: ethno-regional identity, Montenegro, political elite, political identity, region, ethnic group, historical discourse.

References

- Andriyashevich Zh.M., Rastoder Sh.* Istorija Chernogorii s drevneyshikh vremen do 2006 g. M. 2010.
- Berger P., Lukman T.* Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. M. 1995.
- Bonapart i chernogortsy. Pushkin A.S. Pesni zapadnykh slavyan.* URL: <http://www.magister.msk.ru/library/pushkin/poetry/pu0712.htm> (data obrashhenija: 04.11.14).
- Bronevskiy V.B.* Opisanie Chernogorii. *Syn otechestva*. 1818. Ch. 46, № 28.
- Deklaratsiya P.E.N. tsentra.* URL: <http://montenet.com/language/pen-decl.htm> (data obrashhenija: 04.11.14).
- Dmitrevskaya I.V.* Mirovozzrenie kak sistema// Soznanie i teoriya mirovozzreniya: Istorija i sovremennost'. Ivanovo. 1992.
- Dokuchaev D.S.* Regional'naya identichnost': ponyatie, struktura, funktsii. *Filosofiya i kul'tura*. 2012. №12.
- Dokuchaeva N.A.* Etnicheskie izmereniya obshchestva i natsional'naya politika Chernogorii v nachale XXI v. *Izv. vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2012 T. 3, № 3.
- Zhiteli oblasti Montenegro ili chernogortsy. Vestnik Evropy.* 1805. Ch. 20, № 7. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Murgard/text.phtml?id=8959/> (data obrashhenija: 04.11.14).
- Malakhov V.S.* «Neudobstva s identichnost'yu». URL:<http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>
- Miller A.* Rossiya: vlast' i istoriya. 2009. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf (data obrashcheniya: 05.12.14).
- Ponomareva E.G.* Novye gosudarstva na Balkanakh. M., 2010.
- Popisi u Tsrnoj Gori od 1909. do 2003.* URL: <http://njegos.org/census/princip.jpg> (data obrashhenija: 04.11.14).
- Rovinskiy P.* Chernogoriya v' eya proshlom' i nastoyashchem'. SPb. 1897. T. 2, ch. 1.
- Ryabov O.V.* Natsional'naya identichnost': gendernyy aspekt (na materiale russkoy istoriosofii): avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk. Ivanovo. 2000.
- Stamanoviĥ A.* Antisrpstvo u uĥbenitsi ma istorije u Tsrnoj Gori. Podgoritsa, 2007.
- Terziĥ S.* Ideoloshki koreni tsrnogorske natsije i tsrnogorskogo separatizma. URL: <http://njegos.org/past/idroots.htm> (data obrashhenija: 04.11.14).
- Uemov A. I.* Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya sistem. M., 1978
- Chernogoriya i ee zhiteli // Zhurnal dlya chteniya vospitannikami voenno-uchebnykh zavedeniy.* 1849. T. 81, № 323. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1840-1860/Cernog_i_ee_ziteli/text1.phtml?id=9069 (data obrashhenija: 04.11.14).
- Shirokogorov S.M.* Etnos: Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavleniy. Shankhay. 1923. URL: <http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/Texts/ShirokogorovEthnos/Chapter01.pdf> (data obrashhenija: 04.11.14).
- Yamalneev I.M.* Etnoregional'naya identichnost' kak politicheskii proekt (na primere Respubliki Tatarstan): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Kazan'. 2005.
- Andrijašević Ž.M.* Crnogorska crkva 1852–1918. Nikšić, 2008.
- Crna Gora u brojkama.* Podgorica, 2010.
- Greenberg R.* Language and identity in the Balkans. Oxford University Press, 2004.
- Gregory A.* Montenegro: getting its story straight//Transitions online. 2008. 3 March. URL: <http://www.ceeol.com>
- Mérimée P.* La Guzlaouchoix de poesies illyriques. Recueilliesdans de la Dalmatie, la Bosnie, la Croati-eetl'Herzegowine. Strasbourg, 1926. URL: <http://archive.org/stream/laguzlaouchoixde00mruoft#page/160/mode/2up> (data obrashhenija: 04.11.14).
- Nagel J.* Constructing ethnicity: creating ethnic identity and culture//Social problems, 1994. Vol. 41, No.1, Febr.
- Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. godine.* Crna Gora. Zavod za statistiku, broj 83. Podgorica. 2011
- Vlahović D.* «Dan kada je rođena Crnogorska nacija 1. maj 1945. Mestorođenja Borbaorgan KPJ».URL: <http://www.srpskapolitika.com/Tekstovi/Komentari/2006/034.html> (data obrashhenija: 04.11.14).
- Ustav Crne Gore. Podgorica, 22.oktobra 2007. godine. Član 13.*
- Wilmer F.* Identity, culture, and historicity. The social construction of ethnicity in the Balkans.URL: <http://www.jstor.org/stable/20672505> (data obrashhenija: 04.11.14).